

Д. С. Лихачев

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЕГО ВРЕМЕНИ

Памяти дорогой Варвары Павловны Адриановой-Перетц, воспитательнице нескольких поколений специалистов по древнерусской литературе, посвящает автор эту статью.

Как это ни странно, «Слово о полку Игореве» меньше всего изучалось как явление культуры своего времени — в связи с тогдашними эстетическими представлениями, с представлениями средневековья о мире и обществе, этическими понятиями и пр. Обычно оно изучалось обособленно — так, будто бы наши представления о красоте, о добре и зле, о пространстве и времени, об истории и прочем не меняются и не менялись.

Ни один памятник в исследованиях ученых не находится в такой изоляции от своего времени, как «Слово о полку Игореве». Исключение составляют лишь работы языковедов. Последние изучали язык «Слова» как язык XII века, сопоставляли его с языком других памятников той же эпохи. Не случайно поэтому именно эти работы больше всего убеждают в том, что перед нами памятник домонгольского периода.

В данной статье я останавлиюсь главным образом на эстетических представлениях XI—XIII веков и на том, как эти эстетические представления соотносятся с эстетической системой «Слова о полку Игореве».

XI—XIII века в истории культуры Древней Руси принадлежат так называемому стилю монументального историзма. Стиль монументального историзма характеризуется прежде всего стремлением рассматривать предмет изображения с больших дистанций: пространственных, временных, иерархических. Это стиль, в пределах которого все наиболее значимое и красивое представляется большим, монументальным, величественным. Стремясь видеть окружающее в рамках представлений этого стиля, летописцы, авторы житий, церковных слов смотрят на мир как бы с большой высоты или с большого удаления, в дистанциях времени или пространства. В этот период развито «ландшафтное зрение», стремление подчеркивать огромность расстояний, сопрягать в изложении различные удаленные друг от друга географические пункты.

Эстетически ценно и значительно только то, что может быть представлено большим и мощным и что может быть воспринято с огромных расстояний. Вот почему в летописях действие перебрасывается из одного

географического пункта в другой, находящийся в другом конце Русской земли. Рассказ о событии в Новгороде сменяется рассказом о событии во Владимире или в Киеве, далее упоминается событие в Смоленске или Галиче и т. п.

Такая особенность летописного повествования создается не только потому, что в летописи обычно соединяются разные по своему географическому происхождению источники. Особенность эта соответствовала самому духу исторического повествования. Она захватывала читателя, увлекала ощущением «пространства истории».

В том, что такого рода «ландшафтное зрение» при изображении исторических событий было эстетической реальностью, а не случайным следствием соединения различных летописных источников — киевских, новгородских, ростовских, владимирских и т. д., убеждает «Поучение» Владимира Мономаха. В своей автобиографии Мономах ведет повествование так же, как в летописи: соединяет в едином изложении различные географические пункты. Свою жизнь Мономах воспринимает в крайних географических пределах, до которых он доходил в своих походах, охотах и переездах. Он доходил до Чешского леса на западе, до Волги на востоке, углублялся в половецкую степь на юге, за Сулу, за Хорол, к Дону. Значительность своей жизни он подчеркивает дальностью своих походов, многочисленностью переездов. Он упоминает множество географических пунктов, где он бывал или до которых доходил в походах, и именно этим он измеряет свой «труд», дело своей жизни.

Оценивая княжение умершего князя, летописец пишет: «а се княже седение: мир держа с околными сторонами, с Ляхы и с Немци, с Литвою, одержа землю свою величеством оны по Тотары, а семо по Ляхы, по Литву» (Ипатьевская летопись, под 1289 годом).

Автор «Слова о погибели Русской земли» говорил о ее былом благополучии опять-таки с высоты огромных дистанций: «Отъеле до Угорь, и до Ляховъ, до Чаховъ, от Чаховъ до Ятвязи и от Ятвязи до Литвы, до Немещь, от Немещь до Корълы, от Корълы до Устьяга, гдѣ тамо бяху Тоймици поганин, и за Дышючим морем, от моря до Болгарь, от Болгарь до Буртась, от Буртась до Чермись, от Чермись до Морьдви,— то все покороно было богом крестияньскому языку поганьскыя страны...» В сущности, все «Слово о погибели...» написано как бы с высот этого «ландшафтного зрения».

Приступая к проповеди, или к житию святого, или к историческому сочинению, авторы как бы испытывали необходимость окинуть взором всю землю. Так начинает Кирилл Туровский свое «Слово о расслабленном»: «Неизмерьна небесная высота, ни испытана преисподняя глубина»¹. Так начинается и «Чтение» о Борнсе и Глебе. Сама «Повесть временных лет» также начинается с описания самых общих судеб вселенной

¹ Еремни И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. «Труды Отдела древнерусской литературы» (далее: ТОДРЛ), т. XV, 1958, с. 331.

и дает превосходную по своей наглядности картину Русской земли. Напомню также и знаменитое начало быliny о Соловье Будимировиче, сохраняющее это же ощущение пространства.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота акян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омоты днепровския¹.

Сознание громадности мира было не только в искусстве, но и в обыденной жизни. Не случайно князья призывали в свидетели своей правоты всю «поднебесную» (Ипатьевская летопись, под 1288 годом).

То же «ландшафтное зрение» в широкой степени сказывается и в «Слове о полку Игореве». Помимо того, что повествование непрерывно переходит в «Слове» из одного географического пункта в другой, автор «Слова» все время охватывает многие географические пункты своими призывами, обращениями. «Золотое слово» Святослава Киевского обходит всю Русскую землю по окружности — ее самые крайние точки. Див кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и Тмутороканскому болвану на Черном море. Ярославна плачет на самой высокой точке Путивля — на крепостной стене, над заливными лугами Сейма, обращаясь к солнцу, ветру, Днепру. Девы поют на Дунае, их голоса вьются через море до Киева. Каждое действие воспринимается как бы с огромной высоты. Благодаря этому битва Игоря с половцами приобретает всесветные размеры: черные тучи, символизирующие врагов Руси, идут от самого моря, хотят прикрыть четыре солнца. Дождь идет стрелами с Дона великого. Ветры веют стрелами с моря. Битва как бы наполняет собой всю степь.

Многие отвлеченные понятия воспринимались в эпоху монументального историзма в пространственном, ландшафтно-географическом аспекте. Это прежде всего касается такого важного феодального понятия, как слава. Слава того или иного князя имела прежде всего пространственное распространение. Она измерялась географическими пределами. Она могла достигать границ Русской земли или переходить за них, захватывая окружающие народы.

«Преставися благоверный и великий князь Русский Володимер сын благоверна отца Всеволода, украшенный добрыми нравы, прослувый в победах, его имене трепетаху все страны и по всех землях изиде слух его» (о Владимире Мономахе; Лаврентьевская летопись, под 1125 годом; ср. Ипатьевскую летопись, под 1126 годом: «его же слух произиде по всим странам»). Аналогичные характеристики всесветной славы дают летописи сыну Мономаха — Мстиславу, его внуку — Юрию Долгорукому.

¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Давидовым. М.—Л., 1958, с. 9 (серия «Литературные памятники»).

Эта «эстетика дистанций» сказывается во всех случаях, когда говорится о славе и чести. Изяслав обращается к своей дружине: «братья и дружино! Бог всегда Руску земле и Руских сынов в бещестьи не положил естъ; на всех местех честь свою взимали суть. Ныне же, братье, ревнуимы тому вси, у сих землях и перед чюжими языки дай ны бог честь свою взяти» (Ипатьевская летопись, под 1152 годом).

«Слово о полку Игореве» постоянно говорит о славе, и именно в этих широчайших географических размерах. От войска Романа и Мстислава дрогнула земля и многие страны — Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела, и половцы — копыя свои повергли и головы свои склонили под те мечи булатные. Князю Святославу Киевскому поют славу немцы и венецианцы, греки и моравы.

Пространственные формы приобретают в «Слове» и такие понятия, как «тоска», «печаль», «грозы»: они текут по Русской земле, воспринимаются в крупных географических пределах почти как нечто материальное и ландшафтное. То же мы видим и в летописи, где печаль может охватывать города и княжества.

Летопись говорит, что после поражения на Калке «бысть плачь и туга в Руси и по всей земли, слышавшим сию беду» (Лаврентьевская летопись, под 1223 годом), «и бысть вопль и въздыхание, и печаль по всем градом и по волостем» (Суздальская летопись по Академическому списку, под тем же годом). При нашествии татар в 1239 году — «тогда же бе пополох зол по всей земли и сами не ведяху и где хто бежить» (Лаврентьевская летопись, под 1239 годом).

«Лютое томление бесурменьское», тоска, печаль всегда изображаются «в ширину», они распространяются «по всей земле», или перечисляются города и княжества. Они подчиняются пространственному восприятию. Ср. в «Слове»: «чръна земля... тугою въздыша по Руской земли», «въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука», «Жля поскочи по Руской земли», «а въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми», «тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи», «уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче». И т. д.

Представления летописи, «Слова о полку Игореве» и других древнерусских произведений XI—XIII веков о печали, тоске, туге или веселии как о неких пространственных явлениях сами по себе глубоко архаичны. Они ведут свое начало еще от того времени, когда личность человека слабо отделялась от окружающего мира. Печаль, горе, веселие представлялись человеку охватывающими не только его, но и окружающий мир. Они казались существующими, как бы разлитыми в природе.

Но в период перехода к личностному сознанию стало обычным или даже обязательным обращаться в плаче к окружающей природе — горам, рекам, удолиям — с просьбой принять участие в горе, плаче совместно

с человеком. «Горы и холмы возвеселитесь со мной», «солнце, горы, холмы и красные дерева плодовые плачите со мною». В «Повести о разорении Рязани Батыем» (вторая половина XIII — первая XIV века) в плаче князя Ингваря Ингоровича говорится: «О земля, о земля, о дубравы, поплачите со мною!»¹ Это обращение — знак того, что печаль и веселие стали отделяться от человека, но еще не порвали с природой своей традиционной связи.

Монументализм XI—XIII веков имеет одну резко своеобразную особенность, отличающую его от наших представлений о всем монументальном.

Мы привыкли под монументальностью понимать не только все большое, но и инертное, тяжелое, неподвижное, устойчивое. Однако монументализм домонгольской Руси был связан с прямо противоположным: с быстротой передвижения в больших географических пространствах.

Монументализм домонгольской Руси, ее искусства, ее представлений о прекрасном — это прежде всего сила, а сила выражается не только в массе, но и в движении этой массы. Поэтому монументализм этот особый — динамический. В широких географических пространствах герои произведений и их войско быстро передвигаются, совершают далекие переходы и сражаются вдали от родных мест. Даже оставаясь неподвижными, в церемониальных положениях, князья как бы управляют движением, происходящим вокруг них.

Летопись повествует о походах, битвах, переездах из одного княжества в другое. Все события русской истории происходят как бы в движении. Мономах пишет в своей автобиографии о том, что он «нестижды», то есть более ста раз, ездил из Чернигова в Киев, и ставит себе в заслугу быстроту своих передвижений (он гнал за Олегом «о двою коню»).

Тот же динамический монументализм характерен и для зодчества этого времени. Это зодчество для человека, находящегося в пути. Церкви ставятся как маяки на реках и дорогах, чтобы служить ориентирами в необъятных просторах его родины. Архитектурные сооружения — это попытки освоить огромные пространства, подчинить себе окружающий ландшафт².

Так же точно смотрели на пространство и в быту. Победа над врагом — это обретение пространства. Повествуя о победах половцев, летописец пишет: «а сим поганым и ругателем на семь свете приемшим веселье и просторнство» (Лаврентьевская летопись, под 1096 годом). Побеждая, враги прежде всего распространяются по завоеванной земле: «Татарове же *россунушася* по земле» (Лаврентьевская летопись, под 1252 годом).

Напротив того, поражение или пленение — это прежде всего потеря пространства. Пленение — это разлука: разлучаются односельчане,

¹ Лихачев Д. С. Повести о Николае Заразском (тексты). ТОДРЛ, т. VII, 1949, с. 298.

² Отметить храмом крутой берег реки на изгибе и тем дать как бы маяк для едущих по реке (храм Покрова на Нерли); отметить храмом низкий берег озера при выходе из него реки и тем дать возможность корабельщикам найти этот выход (Георгиевский собор Юрьева монастыря в Новгороде); отметить храмом многочисленные пригорки в равнинной земле, сделать храмы заметными в любую погоду с помощью золотого верха; подчинить патрональной святине окружающую городскую застройку — все это главные задачи зодчих. И далеко не безразлично зодчим, как их постройки будут восприниматься в движении, при приближении к ним. Облик храма должен оставаться неизменным на любом расстоянии и легко узнаваться издали.

разлучаются братья, плененные разводятся в разные стороны. «Повесть временных лет» рассказывает под 1093 годом, как половцы разделили пленников между собой и как, ведомые в плен, они со слезами отвечали друг другу: «Аз бех сего города», а другие — «Яз сея вси» (то есть села). Под 1146 годом летопись рассказывает, как потерпевшие поражение «разлучишася друг от друга» (Ипатьевская летопись). Под 1262 годом говорится, что татары «дши (души) крестьянская раздно ведоша» (Лаврентьевская летопись).

Так же точно разлучаются в летописи и в «Слове» Игорь и Всеволод: «ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы» («Слово»); в летописи они «разведени быша» и тоже разлучились. Характерно, что, каюсь в плену, Игорь так говорит о последствиях своих междоусобных войн: «тогда бо не мало зло подъяша безвиннии хрестьяни, отлучаеми отець от рожений своих, брат от брата, друг от друга своего, и жены от подружий своих» (Ипатьевская летопись, под 1185 годом).

Если для нового времени с его личностным сознанием пленение это прежде всего потеря свободы, то для коллективистского сознания XI—XIII веков пленение это прежде всего разлука: разлука и одновременно потеря родины, увод в плен с общей родной земли.

Пространство находится в общем владении¹. Поэтому поражение — это потеря пространства, связанная с разлукой, а победа — обретение пространства, связанное с единением. Отсюда ясно, что призыв автора «Слова» к единению князей особенно выразительно для своего времени сочетается с призывом к походу на половцев.

Но вернемся к представлениям о быстроте передвижения в географическом пространстве.

Быстрота передвижения — это символ власти над пространством, в котором князь передвигается. Быстрота похода — символ овладения пространством.

Могущество Романа Галицкого описывается в летописи прежде всего в образах движения: «устремил бо ся бяше на поганья яко и лев, сердит же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодил, и прехожаше землю их яко и орел, храбор бо бе яко и тур» (Ипатьевская летопись, под 1201 годом).

Тот же динамический монументализм очень характерен и для «Слова о полку Игореве». Действующие лица переносятся в нем с большой быстротой: постоянно в походе Игорь, парадируют в быстрой езде «кмети» — куряне, в быстрых переездах — Олег Гориславич и Всеслав Полоцкий. Всеслав, обернувшись волком, достигает за одну ночь Тмуторокани, слышит в Киеве колокольный звон из Полоцка. И т. д.

Неподвижен великий князь Святослав Киевский, но его «золотое слово» обращено с Киева «на горах», где он сидит, ко всем русским

¹ Под общими владением в крестьянском быту я понимаю общинное земле-владение, в княжеской — общее владение Русской землей единым княжеским родом, восходящим к единому прадеду — Рюрику. Именно это сознание делало возможным передвижение князей из княжества в княжество путем «дестичного восхождения». Князь поэтому одновременно и связан со своим княжеством, и не связан с ним, переходя путем наследования с менее важного стола на более важный как «совладелец» Русской земли.

князьям. Двигается не он, но зато движется все вокруг него. Он господствует над движением русских князей, управляет движением. То же и Ярослав Осмомысл: он высоко сидит в Галиче на своем златокованом столе, но его железные полки подпирают горы угорские, он мечет бремены через облака, рядит суды на Дунае, грозы его по землям текут и он отворяет врата Киеву.

В таком же церемониальном положении изображен и Всеволод Суздальский, готовый вычерпать шлемами Дон, расплескать веслами Волгу, полететь к Киеву. Великий князь церемониально неподвижен, но он среди движения.

Эти церемониальные положения князей — типичная черта монументально-исторического стиля XI—XIII веков. Церемониальность — одна из черт монументальности. Образ князя, высоко сидящего на престоле, подчеркивает еще одну дистанцию — дистанцию феодально-иерархическую между ним и остальными князьями.

Поэтизация средствами установления дистанций способна объяснить, почему автор «Слова» так героизирует в сущности слабого киевского князя Святослава. Важно, что он князь киевский, глава всех русских князей. Это возвышает его над всеми остальными князьями, делает его старым, мудрым и сильным. Он предстает перед читателями высоко «на горах» и высоко по своему феодальному положению, в ореоле иерархической дали.

Еще одна дистанция чрезвычайно характерна для стиля монументального историзма: это дистанция во времени, дистанция историческая.

Там, где в искусстве динамизм, там обычно вступает в силу и историческая тема, появляется обостренный интерес к истории. Движение в пространстве тесно связано законами стиля с движением во времени.

Огромный интерес к истории пронизывал собой изобразительное искусство и литературу XI—XIII веков. Религиозная живопись была по преимуществу религиозно-исторической. Новозаветные и ветхозаветные события и персонажи, события и персонажи церковной истории — основные сюжеты стенных росписей и икон. В литературе также главные темы распределяются вокруг священной, всемирной и русской истории. О преобладании исторических интересов в литературе свидетельствует и широкое развитие в Древней Руси летописания с таким великолепным произведением во главе, как «Повесть временных лет».

Но преобладание истории в стиле монументального историзма не только сюжетное и тематическое. Для того чтобы объект литературы стал в XI—XIII веках поэтическим, был поэтически возвышен — для этого нужна была не только пространственная и иерархическая дистанция, но и историческая.

Событие и действующее лицо, представленное в ореоле истории,

приобретало особенную внушительность. Это наиболее отчетливо видно во всех случаях изображения в литературе поражений русских. В рассказе о взятии Владимира татарами в 1237 году в Лаврентьевской летописи мы читаем: «створися велико зло в Суждальской земли, яко же зло не было ни от крещенья, яко ж бысть ныне». В описании взятия Киева Рюриком и Ольговичами в той же летописи под 1203 годом говорится: «и створися велико зло в Русстей земли, якого же зла не было от крещенья над Киевом. Напасти были и взятъя, не яко же ныне зло се сстася». О битве на Калке говорится: «и бысть победа на вси князи рустии, ака же не бывала от начала Русьской земли никогда же» (Суздальская летопись по Академическому списку, под 1223 годом).

Почти в тех же выражениях говорится о битве Игоря и в «Слове»: «То было в ты рати, и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано!»

Мы можем довольно четко установить в «Слове» ту «временную дистанцию», которая требуется его автору, чтобы опозитизировать современность: это приблизительно один век или чуть меньше.

Для того чтобы опозитизировать события, современные автору «Слова», он привлекает русскую историю только XI века. События XII века для этой цели не годятся, и они для этой цели нигде им не привлекаются. В самом деле, свои поэтические сопоставления автор «Слова о полку Игореве» делает с историей Олега Святославича и Всеслава Полоцкого, с битвой Бориса Вячеславича на Нежатиной Ниве, с гибелью в реке Стугне юноши князя Ростислава, с поединком Мстислава Тмутороканского и Редеди. Это все события XI века. Автор «Слова» вспоминает певца Бояна — также XI века. История XII века, предшествующая походу Игоря, как бы отсутствует в «Слове» — эстетически она не нужна.

В «Слове о полку Игореве» остро ощущается воздух русской истории. Конечно, представления об истории были представлениями своего времени, и измерения этого исторического времени были не столько летописными, сколько эпическими. «Слово о полку Игореве» не называет точных дат тех или иных событий, что было обязательным для летописи, зато постоянно говорит о «дедах» и дедовской славе. Такое определение времени также часто встречается в летописях.

Отцы и главным образом деды также очень часто упоминаются в проповедях, поучениях, житиях и летописях — особенно тогда, когда автор хотел выразить свое эмоциональное отношение к их потомкам, или тогда, когда он хотел сравнить деяния их потомков с деяниями отцов и дедов. Деды и прадеды — это всегда некоторое мерло добродетелей и «славы» и внуков и правнуков.

Митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати», восхваляя Ярослава Мудрого, обращается к его предкам — славит его отца, деда и прадедов. Он говорит о его предках, «иже славятся ныне и слывут».

Владимир Мономах вспоминает в «Поучении» о том, что было «при умных дедех наших, при добрых и при блаженных отцах наших».

Пример отцов и дедов, обычай отцов и дедов, их наследие, слава отцов и дедов и, наконец, полуязыческая молитва «дедня и отняя» постоянно упоминаются в летописи, особенно в критические моменты судьбы их потомков¹.

«Слово о полку Игореве» буквально наполнено проявлениями этого культа предков — дедов и прадедов через головы отцов. Это и понятно, если принять во внимание характерную для этого времени «эстетику дистанций», требовавшую промежутка времени большего, чем его давало обращение к отцам и их славе.

В «Слове» постоянно говорится о дедах и внуках, о славе дедов и прадедов, об «Ольговом гнезде» (Олег — дед Игоря). Сам автор «Слова» — внук Бояна, ветры — «Стрибожи внуци», русское войско — «силы Дажьбожа внука», Ярослав Черниговский с подвластными ему войсками ковуев звонят в «прадѣдную славу», Изяслав Василькович притрепал славу деду своему Всеславу Полоцкому, внуки последнего призываются понизить свои стяги — признать себя побежденными в междоусобных бранях, и т. д., и т. п.

Не случайно поэтому и сами русские называются в «Слове» «русичами», что вызывало иногда недоумение исследователей. Однако форма эта — «русичи» — характерна для племенных названий, подчеркивающих происхождение от легендарного предка: «радимичи» — потомки легендарного Радима, «вятичи» — потомки легендарного Вятки. В названии же «русичи» подчеркивается просто, что они «одного деда внуки», а дедом их назван Дажьбог. И в этом проявляется временная эстетизация, столь типичная для «Слова».

Мне кажется, что столь обильные в «Слове» языческие представления служат в нем для той же «временной эстетизации». Ведь язычество — это верования дедов и прадедов, и уже по тому одному автор «Слова» должен был считать их эстетически ценными, поэтическими.

Автор «Слова» отнюдь не язычник. Языческие верования для него — категория эстетическая. Он не мог верить, что дерево действительно приклонилось от горя, что Всеслав и Гзак оборачиваются волками, что див свергнулся на землю (ведь в той же фразе говорится о том, что хула снеслась на хвалу, треснула нужда на волю: «Уже снесся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врьжеса дивь на землю»).

Явно воображаемый характер носит разговор Игоря с Донцом и многое другое.

Смею утверждать, что в «Слове» нет язычества как верования вообще, как нет подлинной веры в античное язычество в его эстетическом использовании в искусстве и литературе ренессансного и послеренессансного времени.

¹ О культе предков в княжеской среде XI—XIII веков см. превосходное исследование В. Л. Комаровича «Культе рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв.» (ТОДРЛ, т. XVI, 1960).

Стиль монументального историзма, властно подчинивший себе не только изобразительное искусство, зодчество и литературу в XI—XIII веках, но и все вообще эстетические представления, игравшие серьезную роль в феодальном быте, не ограничивался, само собой разумеется, только принципом эстетизации дистанций — пространственных, временных (исторических) и иерархических.

Историчность монументального стиля соединяется в нем со стремлением утвердить вечность. Вечность не противоречит движению. Это не неподвижность. Библейские события — историчны и вечны одновременно. Христианские праздники существуют в данный момент священной истории и одновременно существуют в вечности. История и вечность составляют в средневековье некое диалектическое единство. В отношении эстетическом это единство осуществляется через церемониальность. Средневековая церемониальность и этикетность — это попытка эстетически утвердить вечное значение происходящего и заявить о значительности события.

Поэтому одной из существеннейших сторон монументально-исторического стиля была именно церемониальность, я бы даже сказал — демонстративная церемониальность, хотя церемониальность всегда в той или иной мере рассчитана на демонстрацию и поэтому демонстративна по своей сути.

Церемониальность находилась в прямом соответствии с монументальностью литературы. Она требовала репрезентативности, торжественности, крупных форм, рассчитанных на коллективного зрителя, читателя и слушателя. Она требовала не столько изображения действительности, сколько ее оформления, подчинения жизненных явлений торжественным и идеализированным формам.

Литература XI—XIII веков была церемониальна по формам своего применения, по художественным средствам, к которым она прибегала, по темам, которые она для себя избирала.

В чисто эстетическом плане главный жанр литературы этого периода — ораторский¹. Ораторское выступление было в этот период частью церемониала — церковного и светского. Частью церковного церемониала были жития святых и сочинения гимнографические. Летописи не предназначались для церемониала, но они в известной мере были церемониальным освещением событий, отбором событий для увековечения их, который также представлял собой известный церемониал. В народном творчестве церемониальное значение имели славы и плачи. Одни предназначались для встреч князей, для их прославления при вокняжении, другие — для похорон и воспоминаний.

Литература и фольклор, таким образом, входили в церемониалы и вместе с тем церемониально оформляли изображаемое.

¹ Понятие «главный» — относительно. В общественном аспекте «главными» следует признать исторические жанры: летописи и исторические повести.

Не случайно в «Слове» так часто говорится о таких церемониальных формах народного творчества, как слава и плач. Боян поет славу старому Ярославу и храброму Мстиславу, он свивает славы «оба полы сего времени» и исполняет славу «княземъ» на своем струнном музыкальном инструменте.

Славу поют иноземцы (немцы, венецианцы, греки и моравы) великому Святославу. В «Слове» говорится о плаче русских жен, о пении славы девицами на Дунае, приводится плач Ярославны.

Описан или упомянут в «Слове» целый ряд церемониальных положений: обращение Игоря к войску, звон славы в Киеве: «звенить слава въ Киевѣ... стоять стязи в Путивль». Как на параде, с оружием на изготовку проносятся в «Слове» «свѣдоми къмети» — куряне. Игорь вступает в золотое стремя — момент также церемониальный. После первой победы Игорю подносят черленый стяг, белую хоругвь, черленую чолку, серебряное стружие. В церемониальном положении изображен «на борони» Яр Тур Всеволод. О пленении Игоря сообщено как о церемониальном пересаживании из золотого княжеского седла в седло кошеево. В церемониальных положениях изображены в «Слове» Всеволод Суздальский, Ярослав Осмомысл на своем златокованом столе высоко в Галиче, а также окруженный на горах киевских боярами, подающими ему советы, Святослав Киевский.

Своеобразно церемониальное положение Всеслава Полоцкого — он добывает себе Киев — «девицу любу», скакнув на коне и дотронувшись стружием до золотого киевского стола, что напоминает сватовство к невесте в русской сказке (Иванушка скачет на коне и успевает снять кольцо с руки у царевны, сидящей высоко в тереме).

Церемониален плач Ярославны. Она плачет открыто, при всех, на самом высоком месте своего Путивля — на городских забралах, откуда открывается простор Посеймья.

Наконец, завершается «Слово» великолепной церемонией въезда Игоря в Киев и пением ему славы в разных концах Русской земли.

При определении жанра «Слова» следует учитывать его церемониальность. Древняя русская литература, особенно в этот период, не знала произведений, предназначенных только для одиночного читателя. Несомненно, что и «Слово» должно было для чего-то предназначаться: не исключена возможность, что это было ораторское произведение, предназначенное для какого-то светского случая, как это думал И. П. Еремин, но вероятнее, что это был плач и слава (такое объединение жанров вполне допустимо, например в «Слове о гибели Русской земли»). Пока для окончательного решения вопроса о жанре «Слова» материала еще мало. А приводимые И. П. Ереминым признаки ораторского жанра в «Слове»¹ распространены во многих произведениях этого периода, и не принадлежащих к ораторскому жанру. Ораторские приемы встречаются

¹ Еремин И. П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.—Л., 1966, с. 144—163.

в летописях и житиях, в «хождениях» и исторических повестях (особенно повестях о княжеских преступлениях).

Монументальность и церемониальность всегда связаны с традиционностью. Церемониальность традиционна по самой своей сути. Чем дальше в глубь времени уходят обряд или церемония, тем они торжественнее. Поэтому церемониальные одежды всегда старинные, а церемониальные формы держатся десятилетиями и веками.

Монументальность, особенно монументальность историческая, должна быть поэтому традиционна. Все три особенности (монументальность, историчность, традиционность) поддерживают друг друга.

К сожалению, у нас очень мало данных, чтобы судить о том, насколько традиционны многие формы в том жанре, в котором было создано «Слово о полку Игореве». Однако эти данные все же отчасти есть.

С одной стороны, мы встречаемся с образами, метафорами, оборотами «Слова о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской народной поэзии нового времени, а это само по себе свидетельствует о том, что все они были — не только в народной поэзии, но и в самом «Слове» — глубоко традиционными.

С другой стороны, поэтические образы в «Слове» тесно связаны с образами, лежащими в основе политической (феодальной) и военной терминологии его времени, и это опять-таки говорит об их традиционности. Образы не придумывались, не изобретались автором «Слова» — они брались из жизни или стали традиционными в литературе, но также, в свою очередь, восходили к феодальной и военной терминологии.

В свое время я уже писал о терминологическом происхождении таких образов «Слова», как: «итти дождю стрѣлами», «вонзить свои мечи вережени» (прекратить военные действия), «понизить стязи свои» (сдаться), «всесть на свои брѣзья комони» (выступить в поход), «въступить в стремя» (выступить в поход), «высѣсть из сѣдла злата, а в сѣдло кощинево», «отворить ворота» (впустить врага в город или завладеть им), «не крѣсить» (в формуле отказа от мести), «въстала обида», «иссушить потоки и болота» (захватить землю по рекам) и некоторые другие¹.

Монументализм XI—XII веков связан с целым рядом и других признаков и свойств.

Монументализму свойственна особая лаконичность и краткость. В произведениях монументального стиля обычно мало орнаментики, они требуют выразительности при немногословии. Это касается, например, характеристик людей и населения той или иной местности. В летописи такая лаконичность и «геральдичность» в характеристиках постоянна. Владимирцы говорят о ростовцах: «то суть наши холопи каменъници» (Лаврентьевская летопись, под 1175 годом). Об Ольговичах и половцах говорится в летописи, что они «скори бяху на кровопролитье» (Ипатьев-

¹ Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

ская летопись, под 1151 годом), «перяславци же дерзи суще» (Лаврентьевская летопись, под 1169 годом), «смоляне дерзи к боеви» (Суздальская летопись по Академическому списку, под 1216 годом) и т. д.

То же самое видим мы и в «Слове». Вспомните «свѣдомых кметей» — курян, Ольгово храброе гнездо, храбрые полки Игоря, железные полки Ярослава Осмомысла и пр.

Особую роль в церемониальном, монументальном стиле литературы играли афоризмы, приписываемые обычно каким-то древним мудрецам или просто вкладываемые в чьи-то уста: «Яко инде глаголетъ: «Скырт река злу игру сыгра гражаном» тако и Днестр злу игру сыгра Угром» (Ипатьевская летопись, под 1229 годом), «Выйде Филя, древле прегордый, надеяся объяти землю, потребити море, со многими Угры, рекшю ему: «един камень много горницьев избиваетъ», а другое слово ему рекшю прегордо: «острый мечю, борзый коню — многая Руси» (Ипатьевская летопись, под 1217 годом), «О, леть зла есть! якоже Омир пишеть, да обличена же зла есть, кто в ней ходитъ, конецъ зол приметъ; о злее зла зло есть» (Ипатьевская летопись, под 1234 годом), «якоже премудрый хронограф списа: «якоже добродейня в веки светяться» (Ипатьевская летопись, под 1257 годом). Ср. в «Слове»: «рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же», «Рекъ Боянъ...: «Тяжко ти головы кромъ плечю, зло ти тѣлу кроме головы», «Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути».

Одна из сторон церемониальности — истовая неторопливость и своеобразная полнота в перечислении всего того, что участвует в церемонии. Эта полнота преследует цели не столько информационные, сколько украшающие и напоминающие присутствующим о том, что входит в церемонию.

Церемония это некоторый процесс, некое длительное, разворачивающееся в пространстве и во времени действо — действо, которое может быть заранее известно не только церемониймейстеру, но и присутствующим. Особенно важны поэтому в церемонии последовательность в демонстрации неких равных и соподчиненных членов.

В летописи описывается татарское нашествие. Татары пришли на Рязань, требуя у рязанских князей «десятины во всем: в князех, и в людех, и в конех — десятое в белых, десятое в вороных, десятое в бурых, десятое в рыжих, десятое в пегих» (Суздальская летопись по Академическому списку, под 1237 годом).

То же самое и в «Слове». «Чрълень стяг, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружие — храброму Святъславличю». Или: «див... велить послушати — земли незнаемъ, Влѣзъ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню», «Орьтъмами, и япончицами, и кожухы начаша

мосты мостити», «съ черниговскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ ревугы, и съ ольберы».

Разные формы перечислений в «Слове» нуждаются в специальном изучении, особенно в связи с проблемой ритмики «Слова». С точки же зрения стилистического требования полноты, столь характерного для монументально-исторического стиля, стоит сопоставить эти перечисления со стремлением в «золотом слове» Святослава обратиться ко всем русским князьям поименно. Если практически достаточно было бы просто призвать всех русских князей, как единое сообщество, не перечисляя каждого, выступить в объединенный поход против половцев, то, чтобы придать обращениям церемониальность, необходима была именно их «полнота»: к каждому из князей лично. Князь киевский Святослав обращается к князьям, соблюдая феодальный этикет.

Весьма важно отметить, что перечисления в «Слове» падают на те объекты, которые требуют именно церемониальности: дань, добыча, народы и племена («черниговские были»: «съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ ревугы, и съ ольберы»), покоренные страны («Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела»), народы, поющие славу Святославу («ту нѣмци и венецици, ту греци и морава»).

Церемониальное значение многих других моментов в «Слове» возможно, хотя и не всегда ясно. Приведу такой пример: обсуждение значения виденного Святославом сна в кругу своей дружины. Не лежал ли в этом обсуждении какой-то свойственный тому времени церемониально обставленный обряд? Об этом позволяет думать следующее обстоятельство. В «Легенде мантуанского епископа Гумпольта о святом Вячеславе (Вацлаве) Чешском» рассказывается о вещем сне Вячеслава Чешского, видевшего себя в кругу своей дружины. О церемониальном характере обсуждения сна Святослава Киевского в боярской думе как будто бы свидетельствует и то обстоятельство, что сон свой Святослав видел «въ Киевѣ на горахъ», то есть в церемониальном положении. Это почти «официальный» сон, требующий своего церемониального обсуждения в боярской думе¹.

«Слово» откликается не только на эстетические представления в литературе и искусстве. Оно как бы включено в раму тех эстетических норм, которые существовали в самой жизни, в феодальном быте своего времени.

Новейшая поэзия не имеет особо выделенной категории явлений, которые представляли бы собою как бы особый резервуар эстетических ценностей. В принципе современный поэт может эстетически сублинировать любое жизненное явление. В современной нам литературе почти отсутствует деление явлений самих по себе на эстетические и антиэстетические. Эстетическим или антиэстетическим может быть только подход

¹ Подробнее об этом в моей статье «Еще раз о «Сне Святослава» в «Слове о полку Игореве» (в кн.: Сравнительное изучение литератур. — Сб. ст. к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976).

к явлениям жизни. Это закономерное следствие расширения сферы поэзии и уступки в ней первого места нюансам, обертонам, ассоциациям, позволившим вскрыть эстетические ценности в любом явлении и в любом понятии.

В средневековой литературе, напротив, первенствующее место занимает явление в своей основной сущности, его основная функция, его всесторонность и как бы всеобщность.

Поэтому в средние века выделены определенные категории жизненных явлений, которые признаются эстетически ценными и откуда по преимуществу черпается поэтическая образность.

Это одно из проявлений того монументализма, который характерен особенно для XI—XIII веков, но проявление это сохраняет свое значение и в последующее время, хотя и подвергается постоянной эрозии, совершенно сменившей почву поэзии в новое время.

Иерархическое устройство общества отразилось в установленной в нем иерархии эстетических ценностей. В литературе эстетически ценно прежде всего все то, что связано с высшим светским слоем феодального общества. Именно светским, а не церковным. Это может показаться странным, но этому есть свои основания: внешнее и далеко не последовательное отрицание «земной» красоты черным духовенством.

К этому мы еще вернемся. Сейчас же обратим внимание вот на что. Два княжеских дела считались в этот период наиважнейшими: война и охота. Именно о своих «путях» (то есть походах) и «ловах» (то есть охотах) рассказывает в своем «Поучении» Владимир Мономах. Те же два княжеских дела как наиважнейшие подчеркиваются в летописи.

Красиво оружие воина, красиво все, что связано с боевым конем, красива княжеская охота — особенно соколиная. И даже тогда, когда нужно подчеркнуть величие дела церковного подвижника, он сравнивается с воином, его дело объявляется воинским делом и сам он — «воин Христов».

«Красота воину оружие и кораблю ветрила», — говорится в «Слове некоего калугера о чь [тении] [к] ниг»¹, включенном в Изборник 1076 года (л. 2 об.). В том же Изборнике 1076 года с оружием сравнивается молитва («велико оружие молитва», л. 229), с оружием же сравнивается человеческое тело: «оружье бо наше есть тело, а душа — храбъръ» («храбъръ» — богатырь, л. 240).

Образ воина, подобно Всеволоду Буй Туру «стоящего на борони», это также по-своему эстетически канонизированное представление о красоте. И опять-таки оно находит себе подтверждение в том же Изборнике

¹ Изборник 1076 года. Издание подготовили В. С. Гольщенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965, с. 151.

1076 года: «любить князь война стояштя и борющагося с врагы» (л. 216).

Все вышеприведенные цитаты взяты из статей сугубо церковного содержания, но эстетическим идеалом для каждого из монахов остается все же светский идеал война, именно образ война стоит впереди церковного подвижника.

О красоте оружия воинов неоднократно пишет и летопись, редко отвлекающаяся от строго деловитого изложения и аскетически обнаженная от всякой образности: «блистахуса щити и оружици подобни солнцю» (Ипатьевская летопись, под 1231 годом), «велику же полку бывшую его (Даниила Галицкого.— Д. Л.), устроен бо бе храбрыми людми и светлым оружьем» (там же). Красоту оружия отмечает обычно и Хронограф: «якоже въставше слнце на златыа щиты и на оружна, блистахуса горы от них»¹.

Феодосий Печерский говорит в своем Поучении о терпении и милостыни: «...воину Христову лепо ли есть лениться? Да или то они за тшую славу и изгибающую не помнят ни жены, ни детей, ни имениа. Да что мню имение, еже есть хуже всего, но и главы своя ни в что же помнят, дабы им не посрамленным быти»².

О способности война забыть о своих ранах в бою пишет и летопись. Даниил Галицкий в битве на Калке «младенства ради и буести, не чюаше раны бывши на телеси его» (Суздальская летопись по Академическому списку, под 1223 годом). Князя Мстислав Мстиславич и «Володимер» Рюрикович, «укрепляя» своих новгородцев и смолян, говорили им: «забудем, брате, домов, жен и дети» (там же, под 1216 годом). Радость, заставляющая война забыть в пылу битвы или после нее о своих ранах, неоднократно описывается в летописи и в других случаях. Ипатьевская летопись рассказывает о Романе Брянском под 1264 годом, что, когда он отдавал «милую свою дочь, именемь Олгу, за Володимера князя, сына Василькова», он на радостях забыл о своих ранах: «И в то веремя рать приде Литовьская на Романа; он же бися с ними и победи я, сам же ранен бысть и не мало бо показа мужьство свое, и приеха во Брянскъ с победою и честию великою, и не мня ранен на телеси своемъ за радость».

Поразительно близок идеалу воинской увлеченности сражением образ Всеволода Буй Тура. В пылу битвы он забывает свои раны и своих близких: «Кая раны дорога, братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милья хоти, красные Глѣбовны, свычая и обычая!»

Обращу еще внимание на одну сторону военных образов «Слова». Битва, как известно, сравнивается в «Слове» с жатвой, и этот образ обычно сопоставляется с аналогичными образами народной поэзии.

¹ Хронограф БАН, 45.13.4; см.: Истрия В. Н. Хронограф Академик наук 45.13.4. «Летопись Историко-филологическо-го общества при Новороссийском университете», т. XIII, 1905, с. 330.

² Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Под ред. А. И. Пономарева. Вып. I. СПб., 1894, с. 39.

Однако образ этот существует и в книжности. Враги избивают людей «аки на ниве класы пожинаху» (Суздальская летопись по Академическому списку, под 1216 годом), или о татарах: «а все людие секуще, аки траву» (там же, под 1238 годом)¹.

Не случаен в летописи и противостоящий войне образ мирных пахарей, ратаев. Война — это прежде всего гибель пахарей. Ср. в речи Владимира Мономаха на Любечском съезде, обращенной к князьям с призывом защитить Русскую землю от набегов половцев: «и половчин приехав ударить ѿ (смерда) стрелою, а кобылу его поиметь» (Лаврентьевская летопись под 1103 годом).

Переходим теперь ко второму слою эстетических ценностей — охоте, и при этом соколиной по преимуществу. Владимир Мономах начинает свою биографию со слов: «А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути дея и ловы с 13 лет» (Лаврентьевская летопись, под 1096 годом). Княжеский «труд» для Мономаха, как мы уже указывали, это «пути» (военные походы) и «ловы» (то есть охота). Как одну из главных добродетелей князя называет охоту и Ипатьевская летопись. В ней под 1287 годом прославляется как охотник Владимир Василькович Волынский: «Бяшеть бо и сам ловечь добр, хоробор, николи же ко вепреви и ни к медведе не ждаше слуг своих, а быша ему помогли, скоро сам убиваше всяки зверь; тем же и прослул бяшеть во всей земле, понеже дал бяшеть ему Бог вазнь не токмо и на одних ловех, но и во всемь, за его добро и правду». Впоследствии, уже в XVII веке, царь Алексей Михайлович составляет чин соколиной охоты и пишет в нем: «И зело потеха сия полевая утешает сердца печальная, и забавляет веселнем радостным, и веселит охотников сия птичьа добыча. Безмерка славна и хвальна кречатьа добыча. Удивительна же и утешительна и челига (самец кречета) кречатьа добыча. Угодительна же и потешна дермлиговая переласка (особого рода перелет птицы дремлика) и добыча. Красносмотрительно же и радостно высокова сокола лет». Составленный Алексеем Михайловичем «Урядник Сокольникови пути» — это не только уложение об охоте — это поэтический гимн красоте соколиной охоты.

Вот почему в Древней Руси даже в сухое летописное изложение вторгается сравнение стрельцов с соколами: «приехавшим же соколомь стрельцемь, и не стерпевьшим же людемь, избиша е и роздрашася» (Ипатьевская летопись, под 1231 годом).

Восемь раз в «Слове» употребляется образ сокола по отношению к князьям и воинам, однако образами охоты «Слово» буквально пронизано. Природа в «Слове» — это по преимуществу та природа, которая увидена глазами охотника.

¹ Аналогичные сравнения битвы с сельскохозяйственными работами имеются в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (были указаны А. С. Орловым: Слово о полку Игореве. Изд. 2-е. М.—Л., 1946, с. 41), в «Александрии» и в «Слове Иоанна Златоуста в неделю всех святых» (последнее указано в книге: Борзе Трифунувиъ. Списки средневековни списки о князу Лазару и Косовском боју. Крушевца, 1968, с. 357).

* * *

Стиль монументального историзма XI—XIII веков еще далеко не исследован. Предстоит еще многое сделать для выявления его особенностей. Эти особенности лежат не только в эстетических принципах. Существуют, по-видимому, и некоторые этические принципы, общие для произведений этого времени и тесно связанные с принципами эстетическими. Существует некоторое характерное для этого периода отношение между фольклором и литературой. Есть и известная эстетическая сосредоточенность на определенных темах, мотивах. Внимание людей этого времени выделяло в окружающем их мире однородный ряд фактов.

В целом многие традиции, обычаи, привычки сливались с эстетическими принципами, становились характерными для этого периода признаками стиля, пронизывавшего не только все искусства, включая литературу, но и весь жизненный уклад XI—XIII веков. Перед нами не столько стиль, сколько «эстетическая формация» (термин А. Флакера).

Обращаясь к «Слову о полку Игореве», отметим его полную подчиненность принципам этого стиля. Если есть различия между «Словом» и летописью, житиями и другими произведениями этого периода, то различия эти обусловлены только различиями жанра.